

В.Я. КОЗЛОВ

МОСКОВСКИЙ ДВОРОВОЙ

ПРОЗА ВЗРОСЛЕНИЯ • МОСКВА

ИСТОРИЯ О ЛЮДЯХ, ДРУЖБЕ И ВЫБОРЕ
МОЛОДОСТЬ • СПОРТ • ВЫБОР

18+

Виктор Козлов

Московский дворовой

«Автор»

2026

Козлов В.

Московский дворовой / В. Козлов — «Автор», 2026

Разрешите представиться! Самаров Павел Николаевич, 1948 года рождения, уроженец Москвы, в прошлом чемпион Европы по боксу, студент-медик. После пятого курса Павел вынужден перевестись из Москвы в Крымский медицинский институт. Новый город, новая группа, новые преподаватели и новая жизнь. Друзья и соперники, спорт и учеба, первые чувства, ссоры и примирения, студенческие будни и дворовые привычки становятся частью пути героя. Бокс закаляет его не только физически, но и духовно: учит держать удар, не сдаваться и отвечать за свои поступки. «Московский дворовой» — живой рассказ о молодости, дружбе, любви, характере и времени, в котором выросли люди целого поколения.

© Козлов В., 2026

© Автор, 2026

Виктор Козлов

Московский дворовой

В.Я. Козлов
Московский дворовой
Современная проза • роман взросления
Москва

2025

АННОТАЦИЯ

История Павла Самарова — московского парня, чемпиона Европы по боксу и студента-медика. Новый город, новая группа, учёба, спорт, дружба, любовь, ошибки и победы становятся частью честной истории о взрослении и силе характера.

В.Я. Козлов

Московский дворовой.

Глава 1.

Разрешите представиться! Самаров Павел Николаевич, 1948 г. рождения, уроженец Москвы. Холост, до двадцати семи лет был членом ВЛКСМ (правда, не активным членом, хотя от комсомола получал и грамоты, и награды), в прошлом чемпион Европы по боксу. Себя характеризую кратко - всего двумя тремя словами - хороший парень и меня девушки любят. Национальность - русский, но чаще всего в этой графе, в неответственных документах, которые никто внимательно не читает, пишу - «московской дворовой породы». Такая, кстати, национальность, красуется в моей автобиографии, которую написал, поступая в 1-й Московский медицинский институт - до сих пор не разоблачили!

До шестого курса был жителем Москвы и учился в этом же городе, но после окончания пятого курса в срочном порядке вынужден был перевестись в Крымский государственный медицинский институт по "форс-мажорным" обстоятельствам. В Симферополь появился в начале августа, нашел квартиру, обосновался (а, что тут обосновываться - поставил сумку, в которой спокойно размещается все мое имущество). И вот, сегодня, 1 сентября, иду первый раз (не в первый класс), а в новую группу, в которой должен проучиться весь шестой курс, чтобы стать врачом.

Раньше никогда не имел привычки долго любоваться собой перед зеркалом - заглянул в него мельком, причесался и полный вперед. Ведь, как бы не смотрелся долго в него, красивее же не станешь. Тем более, я всегда придерживаюсь принципа, что внешность для мужчины это не основное - лишь бы выглядел немного лучше обезьяны. Но в этот знаменательный день, что-то перед ним задержался.

Стою перед ним и внимательно смотрю на свое отображение, словно вечность не видел себя. Удивительное дело - меня гложет тревога с примесью страха, а точнее если сказать, то, скорее всего, волнуюсь. И, казалось, было бы из-за чего? Ну, идешь впервые в новом институте, в новую группу?! Что же тут такого? Ведь, уже не первокурсник, а его величество - шестикурсник!! Почти, что полноценный врач!

Повязываю галстук, который никак не сложится в аккуратный узел и чувствую, как немного трясутся руки и учащенно бьется сердце. Ну и впрямь, не почти что врач, а самый настоящий первокурсник, который впервые идет в институт. Я волнуюсь!?! Это тот, о котором всегда говорили, что имеет железные нервы? Исчезли, что ли?!

Все! Галстук наконец-то завязан, узел получился именно такой, какой и хотел. В зеркале отражение молодого человека двадцатисемилетнего возраста, выше среднего роста, крепкого телосложения, стройного и, на мой взгляд, приятной внешности. Не Аллен Делон, но вполне приличный молодой человек! А в принципе, мне лично, внешность этого артиста не нравится - что-то у него в лице есть слащавое, чего категорически не терплю. Мое лицо мне больше нравится, хотя и не отличается утонченными формами, а нос сразу свидетельствует о том, что по нему не единожды попадал кулак с боксерской перчаткой. А если еще учесть, что был в прошлом где-то в элите боксеров, то можно себе представить, какие он удары выдерживал от средневесов?! Перекривлен немного?! - как я, вообще, тогда после прямого удара поляка в нос, остался еще, стоять на ногах?

Этот поляк, с которым вел первый бой в чемпионате Европы, едва не перечеркнул меня, как боксера. Вместо носа кровавая лепешка и бешенная обида, что так бесславно уйду с ринга.

- Если ты его не нокаутируешь, собирай манатки и бегом в Союз! И, чтобы я тебя больше не видел! - прошипел тренер на ухо, прикладывая к моей лепешке мокрое полотенце.

Эти слова он даже не прошипел, а прорычал угрожающе. Успокоил, подбодрил называется?!

- Размазня! - бросил он под удар гонга, грубо толкая меня на ринг.

Не знаю, такой у поляка теперь нос или другой, но весь третий раунд провел в бешеном темпе и с одним-единственным желанием, попасть ему тоже по нему. В этот момент мне было все равно, проиграю или выиграю - мне бы только осуществить свое желание. Видимо, от его удара и мечты о чемпионстве вылетели с головы. Теперь, в принципе, могу гордиться этим носом и даже, должен был быть, благодарен поляку. Нос лепешка, лишил меня страха проигрыша так, как понимал, что любой удар в него, даже слабый и я готов. А, что рано или поздно его пропущу, это было точно. Ведь, против меня стояли лучшие боксеры мира, которые к моему носу жалости не испытывали, а, наоборот, именно в него стремились попасть в первую очередь!

Друзья познаются в беде и в горе - проверил на собственной шкуре! Мой тренер, которого считал за отца родного, смотрел на меня волком и уж очень презрительно. Обыкновенно, всегда в фильмах показывают в таких случаях, что получившему травму спортсмену, все уделяют повышенное внимание, окружают заботой, выражают сочувствие, ну, а мне, кроме нашего доктора, никто хорошего слова не сказал. Тренер, Пахомыч, тот даже забыл, как меня зовут.

- Самаров! Югослав посильнее поляка, так может быть, чтобы твой нос сохранить в удобоваримом состоянии, ты сразу же на первых секундах упадешь на задницу. Зачем зря мучиться?! - и уже покидая мою комнату, бросил на ходу небрежно. - Слабак!

Не его слова меня убивали, а интонация, с какой он мне это сказал. Никогда не думал, что столько снисходительности с презрением в них можно вложить. А смотрел на меня как? - как на гладиатора обреченного на смерть! Не хочется говорить об этом, но под его взглядом, мгновенно представлял себя лежащим в гробу в белых тапочках и с кровавой лепешкой вместо своего носа.

Видимо, оттого, что чувствовал себя ничуть не лучше этого гладиатора, во втором бое бросился на югослава, как бык на красную тряпку. Прекрасно понимал, что, если не возьму его нахрапом в первом раунде, во втором он меня съездит по тому, что раньше было более-менее приличным нюхательным органом. Ну, а дальше и говорить не надо было, что произошло бы.

До сих пор обидно, что тогда забыл сказать своему тренеру, когда он грубовато вытаскивал меня на ринг, слова римских гладиаторов, на которых несколько был похожий своей обреченностью. Надо было выпрямиться, расправить плечи и гордо произнести - «Идущий на смерть, приветствует тебя!».

- Может быть, тебе нос разбить?! - ехидно и язвительно произнес тренер, осматривая мой уже более-менее подлечившийся нос перед финалом. - С испуга за него ты и немца уложишь в первом раунде!

Так, что о моем носе говорить плохо не надо, а хаять его, тем более. Даже, если бы у меня было много денег, все равно, ни за что в жизни, не лягу под нож хирурга, чтобы его исправить. Он у меня поистине золотой! В прямом смысле слова! И ничего, что немец мне почти на последних секундах раунда попал в него и опять превратил в лепешку, но!!! Удар гонга и я чемпион Европы! А слезы с глаз, так это от радости! Ничего даже, что не вижу и не слышу, и, что с трудом держусь на ногах. Пройдет! - ведь не упал же?! (Упал бы, если бы не тренер, который поддерживал меня!). Хотя плохо вижу и слышу, но слова тренера воспринял, правда, осмыслил их намного позже.

- Я люблю тебя, сынок! Ты настоящий мужчина!

В тот момент, счастливее меня никого больше не было на белом свете и я был не в том состоянии, чтобы вспомнить его слова, которыми благословлял меня на бой. А если бы и вспомнил, то все равно, ничего ему не высказал бы, хотя бы потому, что Пахомыч был еще счастливее меня. А от его слов, которые он говорил с гордостью, кружилась голова.

- Я же утверждал и доказывал всем, что нельзя снимать Самарова с ринга! Он и с переломанным носом выиграет Европу! А они снять, снять по медицинским показаниям!...

Своим видом в зеркале остался доволен - аккуратно одет, вычищен и выбрит. По давно ввевшейся привычке из далекого моего спортивного прошлого, погладил нос (конечно, немного поправить его не мешало, но ведь не Ален Делон же, в самом деле!), подмигнул себе и вышел, как считал, в новую жизнь.

Где-то, в какой то книжке, когда-то вычитал рекомендации то ли психолога, то ли ученого, что новую жизнь начинать никогда не поздно, а иногда и полезно. Плохо вот только, что нельзя всю прошлую жизнь перечеркнуть и забыть! А еще лучше было бы, начать ее с нуля. Может быть, не наделал бы столько глупых ошибок!

Теперь, когда мне стукнуло пятьдесят лет, понимаю, что тогда пытался не начать новую жизнь, а просто тщетно хотел убежать от самого себя! Так почти и жил все это время в бегах на длинную дистанцию длиною в жизнь. Но это пойму с годами, позже, когда уже голова обелиться предательской сединой, а груз прожитых ошибок будет давить на психику.

Ну, а пока, я вышел с временки, которую снимал у тети Клавды, с твердым намерением начать новую жизнь. А еще больше мне хотелось, забыть себя в прошлом Московском медицинском институте, чтобы не мучил стыд.

Если честно сказать, сейчас я себя любил и таковым себе нравился, что в последние годы редко бывало. На данный момент у меня было всего много - довольно-таки не глуп, начитан, феноменальная память, силен, как бык, энергичен и полон стремления стать превосходным хирургом. Именно превосходным, так как золотой середины не признавал - или все, или ничего. С прошлой жизни взял только отличные оценки в зачетке, одежду, оставив в Москве разгульного студента, почти всегда выпившего и пьяного, к тому же, едва не исключенного с института. Ну, не брать же такой груз в новую жизнь!

- Мальбрук в поход собрался! - с иронизировал о себе, но тут же сразу понял, что не в тему и не под это настроение. Для того, бывшего московского студента это подошло бы, но для этого, крымского, полного честолюбивых желаний, это не подходит. Тут надо какие-нибудь более торжественные слова, соответствующие обстановке и моменту - все ж таки человек идет в новую жизнь! Ничего не придумал особенного, лишь промычал тихо и при этом тяжело вздохнул.

- С Богом!

Глава 2.

- Двадцать первая группа!? Ха-ха-ха! - такими словами с сочувствующими, злорадными нотками в голосе переспросил меня здоровый детина, развязного типа по имени Слава, когда сказал ему в какой группе буду учиться.

Я "скромно" сижу сейчас на заднем ряду один, за крайним столом у окна в новой своей группе и вспоминаю все, о чем он мне говорил. (Беру это слово в кавычки потому, что моя физиономия, такой вид просто изобразить не может, как не стараюсь. И поэтому мне никто не верит, особенно девушки, что я настоящий скромница и пай-мальчик. Виноваты в этом московские подворотни, которые мне на долгие годы, поставили несмываемое клеймо босяка на лицо.). С ним познакомился неделю назад возле деканата. Говорят, что ворон ворона узнает издали, так и мы с ним узнали друг друга с первого взгляда. Как бы первокурсник не маскировался под шестикурсника, ничего у него не получится - хоть умри. Надувай губы, выпячивай

их, хмурь брови, делай умный вид, но все равно он останется салагой. Это, как в армии - там с первого взгляда отличишь дембеля, от первогодка и даже, не по форме и внешнему виду - по повадкам, по взгляду, по выправке.

Его - "ха-ха!", спровоцировало у меня возникновение плохого предчувствия, заставили сделать быстрые выводы и я, тут же предложил ему пойти выпить для закрепления знакомства, чтобы окончательно разобраться в этом "ха-ха!" и, что оно означает. Сразу почувствовал, что мы с ним родственные души. К тому же и возраста мы были одинаковы, да и повадкам тоже. А, присмотревшись, увидел тоже невидимое клеймо, стоящее у него на лбу. Правда, там вместо слово "Московский" стояло "Ялтинский".

Не ошибался, судя, по его внешнему виду, что он относился к плеяде будущих главных врачей. Это не я придумал - так выделил нас профессор Кобозев, преподаватель химии, ученый с мировым именем. Он был привлекателен всем - и внешним видом, прообразом всех киношных профессоров, культурой поведения, вежливостью и тем, как читал нам лекции - быстро, что никто не успевал ничего записать. Но удивительное дело, достаточно было прослушать его лекцию, как все эти йоны, катионы, намертво укладывались в голову.

Как сейчас помню тот момент, когда он картинно остановился на краю кафедры, вытянул руку с указкой в направлении первого ряда и сказал.

- Те, кто сидит на первых рядах - это зубрилки. Они никогда не пропускают занятия, пишут старательно лекции, учат до двух трех часов ночи и без выходных, не ходят в кино, не встречаются с девушками, так как им некогда из-за учебы. Они будут средние врачи!

В нашей круглой аудитории воцарилась мертвая, необычная тишина и даже галерка, где сидел я, притаилась и с нетерпением ждали, что он скажет дальше.

- За ними сидят отличники. Они не пьют водку, особо не гуляют, по выходным ходят в кино и театры. С них выйдут хорошие врачи! В середине сидят хорошисты - эти умеют и выпить в меру, погулять, сходить в кино и театры, встречаются с девушками! С них выйдут отличные врачи, которых очень будут любить больные. Ну, а дальше, на галерке, сидят прогульщики, лентяи, пьяницы, которые никогда не открывают книг в течение года, не посещают занятия, прогуливают лекции, никогда не пишут конспекты, не участвуют в общественной работе....

Он сделал выжидательную паузу, застыл с вытянутой рукой с указкой направленной на галерку, в позе Ленина, указывающего правильную дорогу трудящимся. Не только я, но и все, ожидали и фактически знали, что он скажет дальше. Я даже хотел его опередить и высказаться всего двумя словами, чтобы не заставлять такого уважаемого профессора, надрываться возмущением нами.

- Таким не место в институте!

- ...Но, которые при всем этом, - продолжил он серьезно, без тени иронии и насмешки. - Умудряются получать стипендии, сдавать экзамены на хорошо и отлично. Это - будущие главные врачи! Только они умеют так вертеться в жизни. Я знаю это со своего опыта.

Наш крик и громкое "Ура!" (а если учесть, что на галерке в основном сидели все, кто отслужил в армии, то мы его прокричали со знанием дела и умением), заглушил все шумы в аудитории и его голос.

- Не повезло тебе, Пашенька! - сочувственно говорил Славка, пил дешевое вино (славноизвестный "бецман" стоимостью 1.07 рубля - дешевле по 1.02 р. был только вермут - ну, и пошло же - отравка первостатейная!), курил и злорадно усмехался, поглядывая на меня. - В двадцатой и двадцать первой группе, собран весь цвет нашего института - будущие лучшие кадры нашей медицины! И....

Его двусмысленные паузы меня раздражали, хотя и без его слов понял, что декан подложил мне неплохую свинью, распределив в эту группу. Осталось еще выяснить, что скрывается за буквой "И".

- ...И весь цвет общественного руководства. Второй секретарь комсомола института, Ленинский стипендиат (мог бы и не уточнять - второй секретарь комсомола не мог быть не Ленинским стипендиатом - это фактически являлось приложением к должности), комсорг лечфака, кстати, на мой взгляд, самая красивая девушка института....

Шестикурсник Славка, будущий терапевт, оказался абсолютно прав. (Не знаю только, станет он главным врачом или нет? - уж пьет слишком много Правда, и я ему не уступил в тот день, но, ведь я же, не собирался стать главным.). Достаточно было внимательно посмотреть на моих сотоварищей по группе, на их глаза, неотрывно смотрящие на преподавателя и ловящие каждое его слово, чтобы понять, что среди них буду выглядеть белой вороной. С моим старанием!

Прав он оказался и в том, что Ирина, так называемый комсорг лечфака, удивительной красоты девушка. Вместо того, чтобы слушать о чем говорит преподаватель, так "любимой", моей терапии, рассматриваю ее, как истинный ценитель женской красоты (поверьте мне на слово - у меня всегда были девушки одна красивее другой - все друзья мне завидовали на этот счет и белой, и черной завистью). На мой взгляд - у нее есть все! Я грубо и пошло высказываюсь, кратко характеризуя красоту таких девушек - "И сия и сия присутствуют!". За других, говорю наоборот - "Ни того, ни другого!". Четко и ясно - почти по армейскому! Но тут, кроме этого, еще полный набор всего - от аппетитной попочки, моей слабости и предмета вожделения, от стройных ног и крепких бедер, до таких больших, черных глаз и пухлых губок. Честно? - я в восторге от нее!

Мне не надо было и вспоминать слова Славки, чтобы сразу понять, что рядом сидящий и вместе с ней пришедший парень, это и есть Сашка, самый-самый правильный в институте среди студентов, ее любовник и будущий муж. Иначе и не могло быть - это было видно, даже при беглом взгляде брошенным на них. Да они просто родились друг для друга - оба идеальной, картинной красоты, умные (со слов Славки и, честно говоря, не хотелось мне, чтобы они были глупыми - наверное, возникло бы какое-то разочарование и ею, и, что удивительно - и им) и так внешне подходят друг другу.

Для меня, преград не существовало в отношении девушек. И чхать хотел бы в другое время, кто рядом с ней, кто он и кто она. Я, как танк пер бы напролом, лишь бы добиться своего. Но, увы! На этот раз с первого взгляда, брошенного на них, понял, что мне здесь ничего не светит. Трудно критически к себе отнестись, но в данном случае я молодец, за что и хвалю себя. Будь на ее месте, естественно, выбрал бы его и не из-за того, что он сын второго секретаря обкома Крыма, а потому, что он серьезный и красивый парень, не чета мне, у которого ветер в голове свистит, пустые карманы - ни жилья, ни перспективы. Не менять же шило на мыло - в данном случае, прекрасно понимаю, что выступаю в роли мыла - взлетел пузырьком и нет его. И она не Золушка с забитого сельского села, а дочка профессора и профессорши педагогического университета. Так, что, лучшей пары нельзя в данном случае и придумать.

- С сердца вон и с глаз долой! - почти мычу вслух, а сам не могу глаз от нее отвести и надо же, так приворожила прямо с первой встречи, с первого взгляда.

Мне трудно кому-то доказать - просто не поверят в это, но я еще до сих пор, до двадцати семи лет не испытал ни разу чувства первой настоящей любви. А, ведь, хочется (хоть с виду и босяк настоящий, но романтики у меня в душе очень много) - слишком много книг перечитал. Мечтаю хоть раз в жизни ее испытать, настоящую - такую, как в книгах и кино. Но, увы - первая моя влюбленность быстро вспыхивает, как факел, и также быстро и гаснет. Добиваюсь своего, владею девушкой и вскоре остываю.

А, ведь, при этом занятии, с какими трудностями приходилось сталкиваться, особенно в юности, когда опыта по этой части было ноль целых и ноль десятых процента? - и драки, и слезы, и чуть ли не стоял перед ними на коленях. Это уже потом, когда более-менее подрос, когда мой язык стал подвешенным и научился хорошо врать (бабушка мне с самого детства

утверждала, что барон Мюнхаузен мой ближайший родственник), любовные слова говорил так, будто они шли с самого сердца. Вот тогда я стал, вообще неотразимым и, конечно, картинно падать перед ними на колени с букетом цветов разучился. К тому же, у меня почти всегда шиш в кармане вместо денег был и их просто купить не мог по финансовым обстоятельствам. (Не совсем так, приврал порядочно о своей неотразимости - смотря на кого напорись. Но доля правды в моих словах все же есть - хоть и не Аллен Делон по внешнему виду, но девушки меня любили и с искривленным носом.).

Моя же неотразимость, иногда меня и пугала - боялся из-за своего донжуанства, что не встречу своей первой любви в жизни и она, так и пройдет мимо меня. На старости лет, даже нечего будет детям рассказать и самому вспомнить о своих переживаниях. Те женщины, которые прошли через мою душу и тело, навряд ли, задержатся в моей памяти. Уже сейчас многих из них и не вспомню.

Этот комсомольский вожак женского пола меня будоражила, привлекала взгляд. Любова-вался ею и не тревожился - это не первая любовь, к тому же она почти чужая жена - просто она очень красивая девушка. Умирать и страдать из-за нее, пока никак не собирался.

Мне повезло - староста группы был не из плеяды золотой молодежи, смотревших на него явно свысока и несколько снисходительно, а простой деревенский, самостоятельный парень, поступивший в институт после армии. Он был весь из себя обстоятельный, надежный. Такие люди мне очень нравились именно из-за своей надежности - они редко когда подводят. Уверовал, что найду с ним общий язык и он меня постарается не отмечать на лекциях в списках отсутствующих. А то, что буду пропускать и занятия, и лекции, даже, несмотря на свое категоричное решение начать новую жизнь, не сомневался в этом ни на йоту. Мою натуру, заядлого прогульщика, изменить только переменой института невозможно. Да к тому же и высидеть восемь часов занятий, на своем вертячем зад, просто не мог. Так однажды и ответил всей стипендиальной комиссии.

К третьему курсу, у нас уже сформировалась когорта отъявленных прогульщиков, бездельников и всех таких прочих, ради которых и создали эту стипендиальную комиссию, куда входили декан факультета, все главари общественных организаций, старосты потока. Шестнадцатого числа каждого месяца, мы уже скорее по привычке, без напоминания к четырем часам собирались у этой двери. Это были даже не прогульщики - это были асы нарушения дисциплины, опытные волки, которые умудрялись с первого курса отстоять свою стипендию любой ценой. Мы доставали справки о болезни даже с роддома и такие, как и положено - на бланке, с круглыми и треугольными печатями. Были среди нас и такие, которые за три четыре года всех родственников похоронили и едва не залпом.

- Опять телеграмма?! - встречали словами, почти хором Кравцова.

- Не знаю, кого уже и хоронить, - проговорил он огорченно, сжимая в руке телеграмму.

- Родителей жалко, бабушек и дедушек уже похоронил, теперь очередь настала теток.

Это было интересное собрание, школа передового опыта, можно сказать, целый институт со своими преподавателями по тому, как сохранить стипендию. Испуга на лице ни у кого не видно, ввиду того, что он забивается наглостью и уверенностью. Смех, анекдоты, шутки, которые быстро заканчиваются с первым вышедшим из дверей злополучного кабинета.

- Сняли!

Не, может быть - шутит! Снять стипендию, у человека, у которого на руках самая настоящая справка из больницы о болезни, с такими красивыми печатями, штампами.

- Следующий!

Испуга нет на лицах - не привыкли бояться, но озабоченности и огорчения в глазах полным-полно.

- Сняли! - бросает огорченно второй в притихшую толпу перед дверью.

- Следующий!

- Сняли! Я же родную тетю похоронил! - говорит Кравцов и едва от огорчения не плачет.
- А они?!

Перед дверью могильная тишина и явные признаки торпидного шока у всех на лицах. Слово "сняли" написано у всех в глазах выходящих, которые уже не бросают его огорченно в толпу, а лишь машут рукой.

До меня уже сняли стипендии почти у человек двадцать - это у людей, у которых были настоящие оправдательные документы. А у меня на руках вшивая липовая справка, которую невооруженным глазом видно, что она самодельная. Как приговоренный к смерти, перешагнув порог кабинета, решивший не показывать на посмеяние свой документ и решительно, достойно встретить свой приговор. Пусть подавятся моей стипендией! Правда, до чего же жалко ее отдавать, даже для того, чтобы какой-то общественник ею подавился. Вот теперь, пусть меня никто не ругает и не упрекает, что я не люблю комсомольских вожаков, верных помощников старших партийных товарищей. А, кто их заставлял стипендию у меня отбирать?

На саму честность и правильность студенчества в лице общественных работников, смотреть не могу - боюсь, что не выдержу и пошлю их подальше. Глаза мои устремлены на декана факультета - грозного, требовательного, но как бы там ни было, уважаемого всеми нами за честность и справедливость.

- Расскажи нам, Паша, чего ты так много прогулял часов, - задает мне вопрос второй секретарь комсомола института Ваня Деркачев и смотрит на меня насмешливо, с издевкой, ожидая, что сейчас начну вытягивать липовую справку и, как все канючить, просить, чтобы не сняли стипендию.

Канючить не собираюсь, а вот Ваню, с которым поступали в институт в одной группе, так и хочется ударить. (Что я в конце пятого курса и сделал. Правда, получилось вроде бы, из-за девушки - это меня и спасло впоследствии от исключения. Но на самом деле, он получил от меня, именно, за свою ретивость комсомольскую. Пострадал за идею?!).

- Каждый день, надо высидеть по восемь часов занятий на твердом стуле - четыре часа практики и четыре лекций, - отвечаю со злым упрямством и смотрю лишь на декана. - Для того, чтобы это выдержать, надо иметь здоровый, оловянный зад по типу чемодана, а он у меня к этому не приспособленный и с кулак величиной.

- За честность, за честность, - говорил декан сквозь смех и не мог досказать предложение до конца. - За честный ответ оставим тебе стипендию!

Терапия мой не любимый предмет - я столько из-за нее настрадался, пережил! Даже, самая моя любимая преподавательница в институте, доцент терапии Комкова Елена Петровна и та не смогла привить любовь к ней никаким путем. Казалось, что этот предмет, словно чувствовал мое отношение к нему и мстил постоянно, и почти на каждом курсе, где ее изучал. Независимо от кафедры - то ли госпитальная, то ли факультативная. Менялись лишь преподаватели, заведующие кафедрами и я постоянно ждал какой-либо пакости от нее.

Николай Поликарпович, что-то рассказывает, объясняет, слушает студентов, а я уже рассмотрел ее нижнюю часть, насколько это было возможно и перешел к верхней части - к ушной раковине, волосам, щекам. Внимательно придираюсь к ее внешнему виду, пытаюсь отыскать хоть один изъян, чтобы потом его возвеличить в большую степень, мысленно обезобразить и тогда все - красота девушки для меня пропала и она перестанет для меня существовать. Тогда мои глаза освободятся и смогу спокойно поизучать остальных, попытаться их охарактеризовать. А чего их всех характеризовать - четыре девушки, три из них замужем, которые и сидят рядом со своими примерными мужьями, заглядывающими в рот преподавателю. Тут волей не волей, только и остается смотреть на одну оставшуюся незамужнюю.

Уперся ей взглядом в ушную раковину (кстати, тоже очень любимую для меня часть женского тела, но только если она аккуратная, вырисованная, вылепленная без изъяна) - редко у какой девушки она идеальная, отточенная и в то же самое время нежная.

На мочке висит небольшая, круглая сережка и я восхищен опять же, контурами этого органа. Привлекает взор и манит небольшое ушко своей нежностью и хрупкостью. Вынужден с трудом отогнать воображаемую картину, как целую маленькое пространство за ним и волосами, потом покусываю мочку...

У меня уже спортивный интерес возникает - прошло уже больше часа урока, а еще ни одного изъяна в ней не нашел. Так доиграюсь, еще и влюблюсь - а там страдания, бессонные ночи. Иногда она мешает мне - оборачивается и зло, раздраженно смотрит на меня, пытаюсь пересмотреть. Не надо хмурить бровки, не такие взгляды выдерживал в ответ - не съем тебя! Все же, удивительной красоты хохлушечка! А глазки, а грудочки! А волосы красит в черный цвет или они такие от роду?

Не успел определить.

- Самаров Павел Николаевич, я хотел бы услышать, что вы можете рассказать о пневмониях, разновидностях, причинах.

Разве можно спрашивать человека, первого сентября, в первый день учебы в новом учебном году, тем более того, который только что появился в новой группе и даже не знает, как кого зовут?

На мой взгляд, я выдал вполне достойный ответ - ведь, наверняка, такого учителя терапии, как у меня, не было ни у кого из здесь присутствующих. Николай Поликарпович не удосужился меня похвалить, промолчал и объявил перерыв.

Виноват в дальнейшем, что произошло со мной, староста группы - должен же любой человек найти виновного в свое оправдание. Нет, скорее виновата все же она, что соврал так нагло и отвратительно. Если бы не ее испытующий, заинтересованный взгляд, если бы она не прислушивалась, то я спокойно и тихо ответил бы старосте Пете, хотевшего записать, кто мои родители, так как есть.

Конечно, постеснялся бы сказать откровенно, что отца и в глаза никогда не видел, а мать умчалась с каким-то хахалем еще, когда у меня сопли под носом до пояса были, оставив меня на воспитание своей матери. Соврал бы, что-то попримечнее. А так, видно, разгоряченный ответом о пневмониях, за что он мне даже хорошего слова не сказал, а, может быть, подстегнутый ее взглядом, выдал такое, что ни в одни ворота не лезли и за, что мне иногда стыдно бывало. А, впрочем, от угрызений совести никогда не умру.

- Папа у меня - Самаров Николай Константинович, генерал-майор, начальник штаба двадцатой танковой армии (убей меня на месте, но даже не знаю, есть ли таковая армия на самом деле), - проговорил так правдиво, решительно, что у многих сомнений не возникло, лишь у некоторых рты раскрылись. Вышедшие замуж девушки, наверное, в мгновение пожалели, что это сделали. Все ж таки уровень - это вам не просто второй секретарь обкома, а генерал. - Мама! - я лихорадочно начал соображать, кем ее сделать, чтобы было и достойно, и солидно - под стать отцу. - Мама, Самарова Анастасия Христофоровна (ну и отчество же ей придумал - во, молодец!), доктор физико-математических наук, работает в закрытом институте (да, у меня не голова, а дом советов - как бы и кто не спрашивал, что это за институт и с чем его едят, сделаю загадочный вид и, конечно, не разглашу государственную тайну.).

Последние слова проговорил с гордо поднятой головой кверху и стоял перед ними всеми, так и застывшими с открытыми ртами, с видом здорового, рождественского гусака, как и положено настоящим сынкам генералов. Я не полностью придурок - в этот момент притворяюсь им и понимаю, что не сегодня или завтра, они все узнают обо мне - ведь в деканате все анкетные данные есть. Но пусть сыночки и дочки, профессоров и других высокопоставленных родителей, каких в нашей группе восемьдесят процентов, хоть на время перестанут смотреть на меня свысока и снисходительно. Разве можно так смотреть на сына самого генерал-майора! Это вам не то, что давеча!

Сучка! Гадом буду, но она мне не поверила. Вижу, как в ее глазах забежали заинтересованные веселые зайки, а на губах застыло восклицание.

- Ух, ты! Ну, ты и загнул, похлеще барона Мюнхаузена!

Я, ведь, тоже умею читать по глазам, особенно у тех, к кому равнодушен. А то, что равнодушен к ней, несмотря даже на то, что пытаюсь усиленно переубедить себя в обратном - это, как пить дать и к гадалке ходить не надо.

Глава 3.

По давно заведенной традиции группа в полном составе сегодня собиралась отмечать первый день занятий. Меня же, никто в ресторан не приглашал отмечать праздник первого сентября, да и не пошел бы, как бы не хотел. Причина проста и банальна - у меня от моих московских накоплений, после усиленных разгрузок вагонов, осталось аж 00 рублей и 00 копеек. Поэтому за предложение Славки Воеводина пойти на ликеро-водочный завод и загрузить пару вагонов ящиками с пойлом, ухватился с удовольствием.

Славка для работы напарник то, что надо - рослый, жилистый и выносливый. Для грузчика, как и я, подходил полностью.

- Ну, как тебе группа? - спросил меня, при этом ехидно хохотнув. - Станешь ты в ней козлом отпущения - будут тебя все преподаватели склонять налево и направо. Ведь надо же кого-то ругать в группе. Не будут же они Сашку или дочку Хватова ругать.

- Не стану козлом отпущения, - ответил ему и засмеялся. - Я сказал старосте, что у меня папа генерал-майор танковых войск, а мама доктор физико-математических наук.

Хорошо, что он успел установить ящик, а то б точно уронил его на пол вагона.

- Ну, ты и дал? - пробормотал удивленно. - А если разоблачат?

- Пока разоблачат, пока разберутся, уже и шестой курс кончится, а там - «Гуд бай Фрося!». А даже, если и разоблачат, ну, что из этого?

Аргумент стоящий - ведь и впрямь, ничего не будет. От стыда не умру, когда меня уличат во лжи, сквозь землю не провалюсь. Да и врал не из-за того, чтобы не стать козлом отпущения, а из-за какого то ехидного чувства - мол, посмотрим, как вы отнесетесь ко мне, как к генеральскому сыночку. И, честно говоря, если бы не она, то сказал бы правду. Но, обидно, что не поверила мне! А, может быть, я ошибаюсь?!

- Ну, как тебе Ирина? - задал он вопрос и испытующе на меня посмотрел.

Врать Славке не собирался и лишь, тяжело вздохнув, сказал огорченно.

- Чужая жена, чужая баба! Нечего на нее и глаза раскрывать. Но, красивая зараза - редкой красоты! - эти слова выскочили от меня непроизвольно и прозвучали искренне, именно, то, что хотел сказать с самого начала утра.

К двенадцати часам ночи мы загрузили первый вагон. Вино, огурцы, варенные яйца, хлеб - лучшего обеда, вернее всего, ужина, для студента и не придумаешь.

- Я целый год с ней провстречался на первом курсе, - шепелявя, из-за переполненного рта пищей сказал он, потом замолчал, тщательно пережевывая и уже отчетливо и наставительно сказал. - Не вздумай в нее влюбиться! Забыть не сможешь!

Доля правды в его словах была, потому что уже ночь, прошло больше девяти часов, а ее ножки, попка, лицо все это время стоит перед глазами. Просто так, редко кто так надоесть сможет! И спасибо за предостережение, но, правда и сам это знаю.

- К сожалению, мы с тобой не пара ей, хотя и не дурные ребята, и внешне и внутренне.

На эту тему - пара не пара, мне не хотелось распространяться. Хотя, во многом он был прав, да и я это прекрасно знал. Дистанция, между так называемой «золотой молодежью» и нами - голозадыми, не родовитыми (хотя, какая там родословная была даже у того, второго секретаря обкома - кроме задранного носа от своей значимости, больше ничего у него не было),

была и еще какая. Понимал это не хуже Воеводина, поэтому уже давно, с первого взгляда на нее, пришел к выводу, что у нас даже при всем желании, ничего не вышло бы. Обидно это понимать, но нужно, чтобы, как он сказал, зря не страдать и не мучиться. Тем более, хоть и обидно где-то внутри, вынужден был себе признаться, Сашка во многом меня превосходил - по многим показателям. А, хотя бы и тем, что он не пил! Еще тогда, в те молодые годы, немного начал понимать, что такое алкоголик, что такое пьющий человек в этом, советском обществе.

- Ты понимаешь, вроде бы, мы и любили друг друга, особенно я, но что-то все равно отделяло меня от нее. А, когда встретился и познакомился с ее родителями, вообще, пропасть стала между нами...

Не слушаю его разглагольствования на эту тему. Слава Богу, мне везло все это время и кроме, как в дочку простого крестьянина или рабочего, больше ни в никого не влюблялся (вернее, испытывал к ней влюбленность). Вспомнил, как раз в тему разговора, своего одногруппника, Станислава, которого по московским меркам с трудом можно было запихнуть в категорию «золотой молодежи» - всего-навсего сын заместителя председателя райисполкома. Но задатки у него были хорошие - на сына министра, если не больше. К тому же, он хотел власти, быть хорошим общественником. Кстати, я сам виноват был в том, что он стал впоследствии большим комсомольским деятелем. Трудно поверить в это, но это было.

Я был в большой дружбе с Володькой, секретарем комсомольской организации курса - отличный был парень, после армии, пил и курил. У меня глаза вылезли от неожиданности, когда Станислав подошел ко мне и скромно, опустив глаза книзу, попросил.

- Паша, там в бюро комсомола освободилось место! Попроси своего друга Володьку, чтобы он порекомендовал меня на это место. Что тебе стоит?

У меня от этого вопроса глаза на лбу и дикий вопрос - шутит или правду говорит?! Неужели есть люди, которые сами рвутся на общественную работу, по зову сердца? Посмотрел на него и по его виду понял, что не шутит.

- Две бутылки водяры и ты член бюро! - сказал и не верил - все думал, что шутит.

Водка появилась буквально через пять минут и стояла у меня на столе в комнате общежития, притягивая свой взор и маня своим одуряющим запахом. Надо отдать мне должное, я не раскрыл ее без Володьки.

- Не, Паша, продешевил ты! - высказался он, выпив первые сто грамм. - Не меньше двух литров стоит эта должность!

Я бы, конечно, за эту должность и сто грамм не дал, но не мне судить. Бросив застолье, через пять минут был у Станислава в комнате и четко донес до его ушей, пока еще был трезвым, стоимость этой должности в новом эквиваленте. Вернулся назад с двумя бутылками водки.

Мы хорошо обмыли его будущую должность, благо водки было вдоволь, а у нас двоих - учитывая, что Володька был десантником, а я все же, его благородие чемпион Европы, то дури у нас было еще больше. Мы выломали за вечер две двери в женском общежитии, так как любимые женщины Володи нам двери не открывали, но ума хватило вовремя смыться до приезда и появления милиции, вызванных вахтершей.

Я бы назад вернул ему эти два литра, чтобы не слышать через три месяца, как он нам читал и разъяснял знаменитые труды Леонида Ильича Брежнева - «Целина, Малая земля». К третьему курсу проклял тот день вообще, когда в первый раз выпил рюмку водки в своей жизни и особенно тот день, когда позарился на литр водки. Станислав был уже для меня не досягаем - он был в студенческой элите института, приближен к начальству и обласкан. Несмотря на то, что я фактически являлся крестным отцом его роста по комсомольской линии, он ко мне благодарности не испытывал и все норовил показать всем, какой я на самом деле разгильдяй. Ну, а если учесть еще, что Володька перевелся во Владивосток, то у меня защиты в комсомоле не осталось.

- Ну, что ты стоишь? - выговаривал ему один на один как-то, после очередного его нраво-учительного замечания. - Ума у тебя в голове с гулькин нос, с виду невзрачный, хилый, очкастый, женщины тебя не любят, да и не за что! Учишься ты слабенько и, если бы у тебя не было комсомольских погон, то, вообще, тебе грош цена была бы в базарный день.

Ох, какой же я был дурак и нисколько не разобрался ни в людях, ни в женщинах. Его папу выдвинули на заместителя мера города, он отхватил первую красавицу института, а я! А мне оставил на всю жизнь его слова, врезавшиеся мне в память крепко и на всю жизнь. Кстати, очень правильные и умные слова.

Он ничуть не обиделся на мою возмущенную речь, не оскорбился, не стал рвать на груди свою рубашку, защищая свою честь. Он посмотрел на меня равнодушно, снисходительно и сказал с полным пренебрежением.

- А ты пьешь!

Этими двумя словами он меня раздавил сразу же и моментально, отодвинул меня в конец списка категорий людей. Этим все он высказал, резко открестившись от меня и, наверное, от всех таких наподобие меня. Ему начхать было на то, что у меня фактически не было ни одной четверки в зачетке, что у меня феноменальная память, что я сильный, здоровый, спортсмен в прошлом. Он меня просто своим росчерком пера, вычеркнул из списка стоящих людей. И, самое главное, анализируя прошедшую жизнь, видел, как много раз меня вычеркивали другие люди, копия Станислав, всего двумя словами.

- Да, он пьет!

Я рвал на груди рубашку, обзывая бездаря бездарем, проходимца проходимцем, а мне отвечали вслед.

- Он пьет! Он запойный алкоголик, - и пренебрежительно пожимали плечами, добавляя равнодушно. - Что с него возьмешь?

Самое главное, их слушали те, кто их хотел услышать и верили им, хотя ни разу меня не видели пьяным - не дурак же я, все же, чтобы им показать свою пьяную рожу на обозрение. Пусть и напивался, но раз два, ну, пусть от силы пять раз в году. Но, клеймо мне, уже поставили на всю жизнь еще с института - и надо сказать стойкое, которое не смывается никакими красками.

К пяти часам утра мы загрузили второй вагон и были не столько уставшими, как пьяными. Попробуй, удержаться и не выпить, хоть и каялся до этого времени, что на шестом курсе начну новую жизнь без водки, когда за ночь погрузил десятки тысяч бутылок.

Погрузку вагонов мы закончили у него на квартире, выпивая сворованное вино (а украли хорошо - двадцать четыре бутылки «Портвейна приморского») и закусывая сырыми яйцами с хлебом. Появился лишь на практические занятия, пропустив четыре часа лекций. Вот и начало шестого курса, начало новой жизни, нового направления?!

Я опустил свое тело на свое место за крайним столом, в последнем ряду и для меня перестало все существовать - и преподаватель злополучной терапии Николай Поликарпович, и моя красавица, которую полюбить нельзя, чтобы самому не страдать, и все студенты моей группы. Я полностью во власти своего похмелья, опустошен и уничижен.

Вид у меня типичный для алкоголика средней руки - красные глаза, мой перекошенный нос покраснел, а еще учитывая мое упадочное состояние! Короче говоря, мне хана! На, мой взгляд, на второй же день моего пребывания в этой идеальной группе, я заработал свой имидж и слова Станислава, как раз подходят ко мне в этот момент.

- Ты, пьешь!

Они мне сейчас этого не говорят, но посматривают на меня с таким видом, будто уже сказали мне их. Начхать - мне сейчас не до них и их разговоров. Похмелье!!! При том, жуткое!

Двойку за ответ, получил вполне заслуженно потому, что рот раскрыть не мог - дыхну на него - умрет же! А, судя, по виду, Николай Поликарпович вообще, не пьющий - не зря же избран партгором института!

Мои одноклассники тоже жалуются, что перепили вчера в ресторане, красочно хватаются за головы, при этом громко смеялись и разогревали себя мечтами о бокале пива (посмеялись или выдавили бы из себя улыбку, если бы и впрямь, выпили столько гомулы, сколько я вчера с четырех часов дня). Меня берет злость на них или простая зависть - почему-то всегда, мало пьющий или совсем не пьющий человек, так любит рассказывать о случаях, когда он выпьет больше двести грамм. Для красовства делают это, выпендриваясь перед кем-то. Передо мной, что ли?

Даже моя красавица, Ирина, и та схватила за голову и сказала томным голосом.

- Последняя рюмка коньяка была лишняя! Голова болит.

Выжрала бы столько, сколько я вчера - умерла бы тут же! Ох, Господи, не знаю благодарить его или плакать, но, скорее всего, благодарить - она смотрит на меня с нескрываемым пренебрежением, брезгливо и свысока. Честно - я рад, даже очень, что моя зародившаяся любовь с первого взгляда, умерла буквально со второго взгляда. Чтобы не страдать, не переживать! - но все же, очень красивая девушка. Даже сквозь пары алкоголя она красивая и, как хочется, очень даже (а на похмелье вдвойне почему-то), оказаться рядом с ней в одной постели и даже ничего не делать - просто лежать тихо и прижиматься к ее телу.

Глава 4.

Так и знал, что терапия меня не оставит в покое даже на шестом курсе. Она вцепилась в меня клешнями и не хочет никак отпускать. И, как назло, преподаватели по ней один лучше другого и, пожалуй, самые требовательные. По хирургии, травматологии, урологии и по другим оперирующим специальностям, мы в прямом смысле слова сами гоняемся за преподавателями, иногда не видя их целыми днями. А по этой злополучной терапии, преподаватель заходит в аудиторию со звонком и умудряется все четыре часа с нами провести неотлучно - что-то рассказывая, показывая и, самое страшное и противное, спрашивает и задает на дом учить. Всего месяц цикла - последний месяц, а, как выматывает.

Разве, за все, что пережил от нее, смогу ее полюбить? Да, я ее, за четыре года изучения, возненавидел больше, чем любой другой предмет и на всю жизнь. Даже слово "терапевт" после этого терпеть не могу и стараюсь его пореже выговаривать. Надо отдать должное - этот предмет в долгу передо мной не оставался и платил мне такой же монетой. Единственный предмет за все годы обучения в институте, по которому получил два на экзамене на четвертом курсе. Да еще какую - жирную и большую.

В принципе, получил, наверное, вполне заслуженно. А можно сказать еще точнее - за хамство. Так, что и обижаться не надо было. Под конец учебного года, почти перед самыми экзаменами, у нас умер от инсульта профессор Кох. Надо сказать, что был большой величины ученый. Он редко проверял посещение его лекций студентами и переклички делал только тогда, когда его заставлял деканат. Мы этим пользовались и прогуливали лекции, как могли, упрямив старост, отметить, что мы присутствовали. Но, как они не старались, все же мы попадались.

Перед самым окончанием семестра и перед экзаменами, доцент Волкова, назначенная вместо Коха, объявила, что ни кого не допустит к экзаменам, если они не отработают пропуски лекций.

У всех прогульщиков это вызвало настоящий шок - сказать такое за три дня до экзамена. Ведь у некоторых по десять, а то и больше пропусков было. У меня не так много было их - всего четыре занятия. С моими способностями и с такими оценками по терапии, было нечего бояться

и уже после обеда, в тот же день, когда она это заявила, появился под дверью аудитории, где принимали отработки. Но, здесь нас всех ждал второй шок, пострашнее первого.

- Если вы первую тему ответите на пять, я разрешу сдать и вторую, но не больше двух!
- заявила она нам категорично.

Нам просто было стыдно плакать, а то б не удержались и от огорчения разревелись бы всю мощь. Наши мольбы к ней не действовали - старая дева, какой она была, на них не реагировала и спрашивала жестоко и требовательно. Желаемую пятерку никто пока не получил.

- Вы ответили на пять, - сказала она мне и улыбнулась почти приветливо, если так можно было понять выражение ее некрасивого лица. - Сдавайте вторую тему!

Я оттарабанил и вторую тему, как священник в церкви «Отче наш».

- Вы очень отлично все рассказали, - проговорила она и улыбнулась опять. - В виде исключения я вам разрешаю сдать еще одну тему!

Полон надежды в то, что сдам и четвертую тему, и получу зачет, третью рассказал еще лучше, чем все две предыдущие. Ее взгляд, улыбка, мелькавшая на ее лице, неподдельная заинтересованность мною и моими ответами, вселяли в меня твердую уверенность, что выйду от нее на коне.

- Я ставлю вам и за третью тему твердую пятерку, и можно сказать с двумя плюсами. Молодец! - не удержалась и похвалила меня.

До этого времени она мне казалась слишком суровой, строгой и некрасивой. А вот сейчас сидя перед ней, я почти был влюблен в нее. Не верил теперь нисколько тем разговорам за дверью студентов, которые говорили, что она злая старая дева с выкрутасами и придурью. Враки! Отличная женщина! Просто надо отвечать хорошо и все будет в порядке. И пока не остыл, начал отвечать четвертую тему.

- Портальный цирроз, это....

- Не надо рассказывать, вы уже устали! Идите домой, завтра придете! - остановила меня категорично.

Как не молился и не божился, что еще полон сил и ни капельки не устал, как не просил, чтобы приняла у меня последнюю тему, она категорически отказала мне и выпроводила из аудитории.

В коридоре человек двадцать ребят и девчат, и все, не подбирая выражения, крестят вдоль и поперек Волкову. Как же так можно, чтобы я не поучаствовал в таком собрании и не сунул свой нос! Сам себе не простил, если бы не сказал пару слов. Ну, и опять же - виновата девчонка и только она. Если бы не она, то просто выразился бы пару раз нецензурными словами и пошел бы себе прочь. А так!

- Эх вы, мужики! - произнесла она ехидно и с упреком. - Баба в жизни мужика не видела - переспали бы с ней и все было бы о-кей! И вам хорошо и ей. Вот, хотя бы ты, Самаров! Здоровый лоб, спортсмен, на тебе пахать можно. Взял и поработал бы за коллектив!

Дура, нашла сексуального маньяка. Вот, если бы ее, так я хоть тут же.

- Я столько не выпью! Да и заржавело там уже все от бездеятельности, - пробормотал и оглянулся.

Прости меня, Боже, за мой глупый язык! Остряк самоучка! Я не люблю обижать женщин, тем более говорить им такие глупости. Сзади стояла Волкова и впритык смотрела на меня. Честное слово, у нее застыли слезы на глазах и стала красная, как рак. Если бы не стояли здесь кучей мои сокурсники, наверное, я тут же упал бы ей в ноги и без устали просил бы у нее прощение. Но, увы! Все смотрели на меня с укором, хотя до этого говорил о ней похлеще моего.

Экзамен ей сдал за одну минуту - ровно столько времени потратил на то, чтобы назвать номер билета, вопрос и сказать первое слово ответа.

- Портальный цирроз это...

- Идите, два! - сказала она, не глядя на меня и добавила. - Вы абсолютно не знаете терапии!

Не обиделся на нее нисколько, хотя стипендия приказала долго жить. Злости на нее не было, а вот стыда полная куча. Подошедшая ко мне Комкова, десять раз переспросила насколько сдал экзамен и все не верила - думала, что шучу. Зашла в аудиторию, где Волкова принимала экзамен и вышла оттуда через пять минут, пунцово-красная и видимо, бурлящая вся от негодования.

- Иди за мной! - прошипела, не глядя на меня и пошла к себе в кабинет.

- Я имею на это право! - сказала Комкова, когда я вошел вслед за ней в кабинет и вlepила мне пощечину. - Завтра в девять, приходи и пересдашь терапию.

Кто сказал, что пощечины не больные. Не правда, щека до сих пор горит огнем и знаю, что будет печь стыдом до окончания моей жизни.

На следующий день я сидел перед Волковой. На весь ответ потратил не больше минуты - столько мне понадобилось времени, чтобы назвать номер билета, вопрос и сказать два слова ответа.

- Крупозная пневмония....

- Идите, четыре! - пробормотала она, не глядя на меня и протянула мне зачетку, в которой уже стояла оценка и никакой предыдущей двойки не было.

Не смог попросить прощения и выбежал с аудитории, не видя белого света от стыда.

- Простите меня, доцент Волкова, - бормотал я часто и долго, почти до самого вечера.

Эти слова и сейчас очень часто повторяю, когда запечет щека огнем стыда. А печет частенько!

Николай Поликарпович, не Комкова и не Волкова - они такими правильными и показательными не были. Он со мной не церемонился и за месяц моего изучения терапии под его руководством, поставил мне кучу энбешек, двоек и всего одну тройку

- Самаров! - сказал он, ставя аттестационную оценку мне в журнал - два дробь три. - На, мой взгляд, вы только благодаря своему отцу генералу и маме профессору доучились до шестого курса. Но, на меня их уговоры не действуют, даже, если они приедут из Москвы и придут ко мне. А на нашего профессора, заведующего кафедрой, Шахназарова, которому вы будете сдавать зачет и подавно - не думаю, что вы ему когда-нибудь сдадите.

За него слышал и не надо было даже напоминать мне об этом. Не труслив, но поджилки затряслись от его фамилии. Перед ним, точно никаких авторитетов не было. Даже, такое грозное учреждение, как партком института, он не признавал. А, кто для него будет авторитетом, если у него одних научных работ больше, чем у десятих профессоров, вышедших из комсомола, вместе взятых.

Не для кого не было секрета, что комсомольский вожак не может быть без Ленинской стипендии - какой же он вожак тогда без нее! Вот и раздался из-за этого звонок с парткома Шахназарову.

Как всегда перед дверью аудитории, где сдают экзамен, толпа студентов - кто-то пытается наверстать упущенное и уткнулся в книжку носом, кто-то стоит с видом обреченного на смерть, кто-то уже безнадежно махнул рукой на свою стипендию и смотрит весело, понимая, что на тройку сдать не сможет лишь полный болван.

- Чернышев?! - со злым криком выскочил из двери Шахназаров. - Чернышев!

В коридоре могильная тишина и все смотрят с испугом на разъяренного профессора.

- Где этот дурак, которому надо поставить пять? - прокричал он еще злее, а, увидев подходящего студента, прорычал. - Зачетку!

Взяв у него зачетку, он развернул его на сто восемьдесят градусов, приложил ее к спине, расписался в ней и небрежно выбросил ее с четвертого этажа в окно.

- Получи свое пять! - бросил он ему и опять скрылся за дверью аудитории.

В мгновение, вспомнив этот случай, рассказанный мне, понял, что угроза Поликарповича очень серьезная, а грузин профессор, еще тот груздь. В душе тревога, беспокойство, а тут еще вдобавок группа шушукается, перешептываются и все на меня посматривают. И взгляды у них, как мне кажется, подозрительные очень. Гадом буду, наверняка, какую-то пакость придумали! Этого еще не хватало - тут эта чертова терапия не пошла, а они!? Честно говоря, он мне двоек ни за что понаставил - спрашивал, когда я чем-то отвлекался или смотрел просто в окно, а он тут, как тут.

- Самаров, повторите, что я сказал!

Как я ему повторю, что он только что сказал, если в это время был занят сильно и не слушал ничего. Разве могу ему сказать, что в это время заглядывал во всю мощь под короткую юбку моей красавицы и разглядывал трусики, бедра. Стыдно, но приятно глазам! Мало того, что он мне поставил двойку, так и она, положила ногу за ногу и мне уже ничего не было видно.

К ней у меня устоялось отношение - с одной стороны люблюсь ею, как настоящей красавицей, а с другой стороны: - смотрю на нее равнодушно и не щемит сердце, не давит его тоской.

Ох, и вру же! Самому себе вру и самое главное, и убеждаю себя в том, что так оно и есть на самом деле и полностью к ней равнодушен. В, принципе, в самом себе по отношению к ней еще не разобрался. В отличие от меня, уверен я, она уже полностью составила обо мне мнение и, на мой взгляд, нелицеприятное для меня. Во всяком случае, смотрит на меня, как на последнего бездаря, ничему. Даже интереса ко мне в глазах не видно. Хотя бы, как на сына генерала посмотрела - уважительно, со вздохом.

Вообще-то, несмотря на то, что я сын таких больших и уважаемых родителей, меня группа не приняла в свою семью. Откровенно не посылают «на», но на особое сближение не идут и дружбу со мной не торопятся заводить. Присутствует большая настороженность в отношениях между нами. Но, в принципе, меня это вполне устраивало - новых друзей уже не хотел заводить, а старых оставил в Москве. Вы сами по себе, а я сам по себе! Моя мораль, конечно, ни в какие ворота не лезла, тем более в советском обществе, при комсомольской, партийной и профсоюзной организации. Ишь, захотел жить особнячком по принципу - моя хата с краю и никого не знаю! Убедился, не получится.

- Паша! - предупредил меня комсорг группы (оказывается мало секретаря, зама секретаря, профсоюзного босса курса, так надо еще и секретаря ВЛКСМ группы). - Сегодня у нас комсомольское собрание, ты не уходи никуда после уроков. Придет и наш классный руководитель.

Говорил приветливо, но почему-то ехидно и зловредно на меня смотрел. Точно, что пакость какую-то на мою голову придумали. Интуиция?!

Сегодня четверг, а он для меня особый день - банный! Я должен успеть прийти домой и к пяти часам натопить баньку дяде Пети, который к этому времени придет с работы. Они вдвоем с женой идут туда где-то к половине шестого, а к семи к половине восьмого, освобождают и оставляют ее для меня. И вот оно - начинается блаженство! Я беру веники и отдаюсь горячему пару часиков до десяти. И надо сказать, что этот день у меня всегда такой - только лишь с той разницей, что раньше ходил в городскую парную. А тут вообще лафа - не банька, а сказка! И к тому же кровать почти рядом.

Променять баню на комсомольское собрание - это просто для меня преступление. Я нервничаю и немного волнуюсь - испортят баню - чувствует мое сердце! Пришел доцент Волобуев, кандидат медицинских наук, хирург и наш куратор или просто классный руководитель. Не курит, не пьет, представительный, солидный, голос никогда не повышает, говорит размеренно и понятно. Всем в группе он нравится, а мне нет. Может быть, из-за того, что у меня антипатия к слишком красивым и представительным мужчинам, излучающим из себя правильность, похожим на определенную категорию людей, выращенных нашим государством - партийных работников.

- Есть мнение начать, - начал собрание наш секретарь комсомола группы. - Кто за, кто против?

Мне начхать на все происходящее - подниму и обе руки одновременно, чтобы лишь побыстрее оно закончилось потому, что весь уже в банном дне. Повестка дня меня мало интересует, но первый вопрос ее, меня прямо ударил по голове молотом его постановкой.

- Первый вопрос, который мы должны рассмотреть, это отношение к учебе нашего товарища, комсомольца Самарова Павла Николаевича! Павел Николаевич, прошу выйти перед группой и расскажите, почему вы так несерьезно относитесь к учебе - пропускаете занятия, лекции, получаете плохие отметки.

Вот это да! Вот это номер! Как я отношусь к ней - нормально! На мой взгляд, в этом институте больше прилежания к учебе прилагаю - пропустил не слишком много и по уважительным причинам. Что я виноват в том, что болею часто - здоровье слабовато, хилый однако! (Воеводин меня справками о болезни снабдил на целый год вперед). Как они посмели и кого - сына генерала?! Да к тому же, я уже не комсомолец - вышел из его рядов в связи с возрастом!

Все же неудобно стоять перед всей группой, ощущать на себе их взгляды и надо же, еще что-то и говорить. Делаю вид обиженного идиота и начинаю рассказывать, что у меня слабое здоровье, что в детстве едва не умер от болезни и меня мама с папой даже на целебные источники в Крым возили (интересно, а они хоть здесь в Крыму есть? - наверное, есть, раз курортом называется).

- ...А в двенадцать лет, я заболел то ли менингитом, то ли еще чем - не помню, - насчет головы придумал на ходу и правильно сделал - пусть знают, что у меня больная головка и в следующий раз, когда они меня вновь захотят поставить перед классом, могу же и послать их подальше. И пусть тогда соображают - из-за больной головушки это сделал, или на полном серьезе. - Было осложнение, я чуть не умер.

Вижу, что избрал правильную, покаянную тактику - мол дурачек и, что с него возьмешь. По-моему, мне начали сочувствовать, особенно, когда слезливо начал рассказывать, как моя мама целыми сутками не отходила от моей кровати и даже теряла сознание. Эх, если бы еще и слезу с них выдавить, то мне бы цены не было во всем институте, а барон Мюнхаузен, был бы посрамлен и немедленно уступил бы мне место на страницах книги. Но, в глазах моей красавицы сочувствия нет - там сплошная ирония, удивление и издевка, не скрытая и злая.

Не перепугаешь - я уже вошел в роль и меня не остановить! Уткнулся ей глазами в колени, а взгляд попытался засунуть вдоль бедер под юбку. Достиг цели - она заметила мой взгляд, заерзала, засуетилась, поправила юбку. Напрасно! От меня так нельзя легко отделаться - своим взглядом задался целью прожечь ей, в крайнем случае, хоть не юбку, но колготки точно. Это испытанный прием, который заставляет девушку, забыть обо всем и сосредоточиться только на своем нижнем белье - не выглядит ли оно, может быть, не скромно сидит, слишком расставила ноги? Пусть поерзает, посуется, глядишь и поверит мне!

- Тебе, Паша, что материал плохо усваиваться стал после болезни? - спросила меня сочувственно, но уж очень много издевательских ноток вложила в интонацию своего голоса.

Видно, мало и не так уперто сверлил ее бедра глазами. Погоди, это еще только цветочки. Эх, как плохо, что слеза у меня появляется только в редких случаях. Хоть проси поляка, чтобы он опять мне в нос попал, ведь тогда они ручьем бежали вместе с кровью! Сейчас бы они были в самый раз - думаю вопросов ко мне больше бы не было.

- Я учу по пять шесть часов ежедневно, - выдавил из себя и засмутился от такого признания (а, что если бы и впрямь, по столько времени учился - Ньютоном уже бы стал или, что вернее, сошел бы с ума). Повторяю по раз пять, - и беспомощно пожал плечами (вот сейчас слеза была бы в самый раз).

Ломаю комедию, играюсь, вру и не боюсь ничего. Что они от меня хотят - чтобы не пропускал занятия? Но, господа, я же не двуличный и мне так надо много успеть - на работу

ночью, в кино, в женское общежитие педагогического университета сходить, в баньке попариться, пивка попить с Воеводиным, пару вагонов загрузить, с девушкой проваляться ночь. Так неужели вы думаете, что я без отдыха смогу жить - я же просто упаду от истощения. А если еще и занятия не буду пропускать, ну так тогда точно умру на ходу. Пожалеите!

К сожалению, чувствую - если так выскажусь, не поймут меня правильно и не посочувствуют.

- У тебя в зачетке всего несколько четверок, а остальные пятерки. неужели у вас в московском институте, требования ниже чем в нашем?

Ну, вредная баба - никак не может успокоиться. Задает вопрос серьезно, а глаза смеются злорадно. Наверняка, не верит мне и издевается по-настоящему.

- Наверное, а, может быть, из-за мамы и папы, которые часто появлялись в институте, - и опять смущенно пожал плечами.

Бросил смотреть уже на ее ноги и переключил свой взор на на классного руководителя, ища у него поддержки и сочувствия.

- Товарищи комсомольцы, надо помочь, поддержать своего товарища..., - начал свою речь классный и я понял, что все уже позади - обошлось малой кровью. Из такого разгильдяя, каким и был на самом деле, я превратился в невинную овечку, больную на голову.

- Браво, браво, дядя Паша! - проговорил про себя и с видом победителя глянул на Ирину.
- Знай наших!

Я убил сегодня двух зайцев - вызвал сочувствие у группы, которые должны мне помочь, поддержать словом и делом (эх, если бы они еще за меня и зачет Шахназарову сдали - может быть, мало поплакал - глядишь бы и от зачета освободили!); и второе - разбудил в ее глазах нескрываемый интерес мною. Она смотрела на меня своими красивыми, черными глазами и в них было много иронии, смеха и ни искры презрения, пренебрежения. Все же, красивая девушка!

По совету своих товарищей по группе, я берег свое здоровье вечером и парился в баньке с веничком, до одури, до легкого головокружения, до такого состояния, когда ноги и тело становится легким и будто не хожу, а летаю над землей. Сразу же после нее, завалился спать в чистую постель и проснулся утром от трели будильника.

У профессора Шахназарова была только фамилия грузинская и неисчезаемый никогда специфический кавказский акцент. Внешне - маленький, черненький, невзрачненький, больше был похожим на еврея и не на интеллигента, а на сапожника. Казалось сейчас встанет из-за стола и закричит.

- Чиню сапоги, туфли, ботинки!

Не поднялся, сидит за столом, попивает чаек и посматривает на нас, рассеявшихся на стульях, вокруг большого стола. Ловелас видно еще тот, порядочный, потому что глаз с Ирины не сводит. Кавказская, горячая кровь видно играет - так и стреляет по ней глазками. Почему бы ей и не улыбнуться в ответ, подморгнуть - глядишь и поставил бы всем зачеты. Неужели ей коллектива не жалко? Ну, а как же тогда комсомольский лозунг - "Сам погибай, а товарища выручай!".

Что-то не вижу в ее действиях пролетарской сознательности - сидит чинная, серьезная, уставилась глазами в свой билет и шепчет губами. Что шептать, не позорься, иди отвечать - ведь отличница, комсомолка и вообще, пайныка девочка! Скромно в уголку сидит больной, которого мы должны будем обслушивать, обстучать и рассказать профессору какие у него сердечные шумы, хрипы в легких. Смотрю на него и мне почему-то кажется, что это не больной, а мина замедленного действия. Не верю, чтобы такой прославленный профессор, нам не подсунул "каку". Не зря же сидит за столом, как царек, попивает чаек и ехидненько со злорадностью на нас посматривает. Наверное, у этого больного в сердце и в легких, чего только нет - не пациент, а ходячее пособие для студентов. Попробуй, разберись в таком!

Ну, как и положено, первым вышел отвечать Саша. Конечно, было бы более эффектно, если бы он еще перед ответом проговорил наподобие клича, типа - "Комсомольцы вперед!" или, на крайний случай такое - "Если умру, считайте коммунистом!".

Ответ на билет хороший, уверенный и вот уже он вместе с профессором, через сдвоенную трубочку, выслушивает больного.

- Акцент второго тона на аорте, мелкопузырчатые, влажные хрипы в нижней доле правого легкого, - четко доложил он.

- Хорошо, садитесь! - ответил профессор. - Следующий!

Что-то не так - уж слишком у него глаза блестят как-то необычно. Не может же быть в них столько удовлетворения, пусть даже и от хорошего ответа. Моя красавица прощбетала еще лучше Саши, вот только хрипы нашла не в правом легком, а в левом и вместо акцента второго тона, определила шум митрального клапана. Ну, в этом ничего необычного нет - в этих шумах и тонах заблудится каждый, тем более мы - студенты.

Как бы я там о них не отзывался перед своим другом Воеводиным и, как бы их не называл, но надо было честно признаться, что отвечали хорошо и уверенно. Я солировал последним. Теоретические вопросы оттарабанил на одном дыхании, без запинки и тяжело вздохнув, надел фонендоскоп. Профессор тыкает трубочкой и спрашивает.

- Что, здесь?

Я ничего не слышу - тишина полнейшая. Снял наушники, проверил не забыты ли трубки - хитрый грузин мог их и ваткой заткнуть. Опять он прикладывает кружочек фонендоскопа напротив сердца, а у меня в ушах тишина. Не выдерживаю, снимаю спаренную трубку, надеваю свой фонендоскоп, прикладываю к груди больного и едва не падаю в обморок - в ушах тишина - ни звука, ни тона, ни удара. Ниже, выше, левее - тишина! Не верю себе самому - снимаю трубку и проверяю, не забита ли она. Вроде бы, все в порядке - прикладываю и опять тишина, мертвая, гнетущая. Хорошая мысль возникла - зачем зря мучиться, надо сказать так, как Саша или Ирина - вот и вся проблема.

Тыкаю трубкой все левее, вплоть до средней подмышечной линии, а в ней тишина. Или я оглох или у больного просто нет сердца. В растерянности тыкнул в правую половину грудной клетки и чуть не упал в обморок - справа от грудины, отчетливо услышал биение здорового сердца. Я редко когда потею - только в очень исключительных случаях, вот как сейчас. Не заметил, как шапочкой вытер пот со лба, прикладываю трубку к правой половине груди и отчетливо слышу биение сердца. Снял трубку, обстучал границы и не могу произнести - сердце с правой стороны!

Я представляю четко и ясно, как произношу эту нелепицу, все смеются над моей тупостью, а профессор грузин, вместо зачетки, выбрасывает меня самого из окна. Машинально просчитываю, сколько мне лететь до земли - метров восемь. Так, не дай Бог и убьюсь насмерть! Я в панике, испуге и говорю обречено, взглянув в его глаза.

- У него сердце с правой стороны, тоны чистые, ясные, границы его не увеличены, в легких везикулярное дыхание.

Ох, как хочется мне в этот момент закрыть уши, чтобы не слышать, какими словами он будет меня обзывать. А еще больше, мне не хочется слышать, язвительный хохоток моих товарищей, который уже раздался.

- А почему у тебя аттестация два на три, - не выругав меня, не сказал ни хорошо, ни плохо Шахназаров, усаживаясь за свой стол. - Ответь-ка, мне еще на один билетик, - сказал он, вдруг захихикал ехидненько и протянул мне клаптик бумажки.

После того, что я пережил пять минут назад, ответить на теоретический вопрос для меня простая чепуха.

- И так! - грозно произнес профессор, оглядел всех, задержался взглядом на Ирине, подмигнул ей по-молодому и продолжил. - Единственную пятерку за зачет я ставлю Самарову - и

по теории, и по практике! Он единственный из вас определили, что и впрямь сердце у больного находится в правой стороне, нормальное и здоровое. В данном случае, перед вами совершенно здоровый молодой человек, но у которого правостороннее расположение органов - уникальный человек!

Да, так выходят, как я вышел из аудитории, с таким видом, только полководцы победители уходили с поля битвы. Наверное, вид у меня был еще значимее, потому что Ирина не выдержала, подошла ко мне и сказала.

- А ты все же молодец, генеральский сыночек. Я бы ни за что в жизни не сказала бы, что у него сердце в правой стороне! - и подарила мне на память приветливую, теплую улыбку.

Что ж, принимаю - по заслугам - герою и награда!

- Случайность, повезло! - высказался Николай Поликарпович и вовремя замолчал.

А мне хотелось продолжить его речь вместо него - "Везет дуракам и пьяницам!".

Не говорю этого, а переkreщаиваюсь тайком, хоть и не верующий человек и благодарю Бога, что злополучная терапия приказала долго жить. Госэкзамен по ней сдам в любом случае - не могут же они меня завалить в самые последние месяцы учебы. Ну, а если вдруг, не выйдет с меня хирурга, то терапевтом, все равно никогда в жизни не стану.

Глава 5.

Барон Мюнхаузен жил по принципу - ни дня без подвига. Ну, а моя группа, живет по другому принципу - ни недели без собрания. Хорошо, хоть не по моему поводу. Я хожу немножко героем - еще бы, сдать зачет по терапии лучше всех - утереть им нос тем, что с перепугу определил, где сердце находится! Но, с другой стороны, выделяться мне тоже не стоило - разве трудно мне было сказать то же самое, что и Саша или Ирина - так ведь многие поступили! Вижу, что посматривают на меня еще больше насторожено и, конечно, найдут повод, чтобы отыграться на мне из-за своего раненного честолюбия.

Объявление о собрании после занятий встретил с тревогой. За эту неделю нового цикла по детским болезням, умудрился всего лишь два раза опоздать незаметно на лекции, не пропустить ни одного практического занятия. Да мне, памятник надо было бы ставить за такое поведение. Неужели опять нашли во мне, что-то не то? А, вдруг, обнаружили, что я не генеральский сыночек? Обидно будет оттого, что мало им побыл - всего, каких-то полтора месяца. Не выдержав, переспросил старосту с тревогой в голосе, по какому поводу состоится собрание.

- Литературный час - внеклассная работа! - проговорил он, иронично хихикнув при этом.

Петя относился к той категории размеренных, надежных людей, твердо стоящих на земле и знающих, как жить дальше. Уж он то, не будет метаться по жизни - искать то, чего невозможно найти. Он женат, у него уже есть мальчик и его проблемы в данном случае обыкновенные, жизненные - получить квартиру, устроиться на хорошую работу, прокормить свою семью, ну и, конечно, сделать себе карьеру. В отличие от меня, мечтающего стать кем-то, недостижимым, чтобы за моей спиной раздавался восхищенный шепот, когда я проходил мимо них - "Смотрите, хирург Самаров прошел! Он такая знаменитость!" (услышу ли я их когда-нибудь?). Он мечтал об обыкновенной карьере, где пределом для него был главный врач. В принципе, он подходил к этой должности полностью своей обстоятельностью и рассудительностью.

Себя, даже мысленно представить на этой должности не могу! Ух, и натворил бы делов со своим характером! Я же два часа на лекции высидеть не могу спокойно, а главному надо по шесть по восемь часов на различных уровнях совещаний сидеть с умным видом.

И, вообще, если честно признаюсь себе, то кое-чему завидую ему! А хотя бы его обстоятельности! Знаю и понимаю, что он будет отличным врачом, а с меня какой выйдет, еще и неизвестно. Будет отличный - это я понимаю, но, но!!! Не три, а десять восклицательных зна-

ков надо ставить, а продолжать говорить о том, что если.... И выговаривать не хочется - если не сопьюсь!

У меня такое "если" и угрызения совести, обыкновенно возникает, на фоне угнетенного состояния водкой и тогда себя считаю хуже всех. Но, на удивление, сегодня у меня чистая голова, почти выпался, пробежался километров пять, подтянулся раз пятьдесят на турнике, побарабанил грушу, а настроение почему-то ипохондрическое, немного угнетенное, необычное для моего живого характера. Вот в таком состоянии у меня просыпается зависть ко всем моим одноклассникам. В этот момент, завидую им, что они вчера почти в полном составе были в театре и смотрели спектакль, и сейчас целый день обсуждают его.

- Цветаева не подходит на роль королевы Марго, - говорит с видом знатока и профессионала моя Ирина! - На мой взгляд, Марго была более властная....

Вижу, что ее слова очень авторитетны для всех и к ее мнению прислушиваются, считая ее человеком начитанным и понимающим искусство. Я тоже кое в чем разбираюсь, а в литературе особенно, потому что перечитал все, что можно и, что есть стоящее из книг. Но в споры не хочу влезать и высказывать свое мнение. Даже стараюсь не слушать смысл разговора - просто смотрю на них отрешенно и завидую, завидую, завидую! Завидую их насыщенной интересной жизни, тому, что они в воскресенье были на Южном берегу Крыма в Ялте, загорали, купались, отдохнули. Опять же завидую тому, что они почти все вечера проводят своей дружной компанией и не в выпивке, а в разговорах, танцах.

Вздыхаю тяжело и пытаюсь удалить свою зависть со своей души - не всем же быть правильными. Должны же быть и такие, как я, чтобы они на нашем фоне выглядели лучше и, вообще - кого же они будут воспитывать? На кого будут показывать пальцем своим детям и говорить при этом убежденно.

- Вот с такого дяди не бери пример!

Господи! А вдруг нас не будет - нужны ли будут эти комсомольские собрания, комсорги всех уровней и все такие прочие. Перед кем же они тогда красоваться будут своей правильностью и значимостью! Да, они нас должны беречь, как зеницу ока - дышать на нас и пылинки сдувать!

Эта мысль мне принесла огромное облегчение и избавление от моей ипохондрии. Уже не завидую им и смотрю на них, как на обыкновенных ребят и девочек. А в, принципе, они же ведь и впрямь неплохие ребята. Ну, немножко заносчивые от своей значимости, посерьезнее, чем я, хотя все моложе меня года на три на четыре. Но, ведь, они и воспитывались в холле, в благоприятной обстановке. И мало того, они полностью подходили по всем статьям в образ идеального советского студента, каких показывали в фильмах - студенческий отряд, гитара, песни, костер, девушки комсомолки и ребята.

Фу! Даже поморщился, увидев в голове представленную картину и вспомнив наши выезды с друзьями на природу в подмосковные леса. Да, костер был и еще какой, палатка была, была гитара (а, как же без нее!), были девушки и было много, даже очень много выпивки! И пили все - и девушки и мальчики без комсомольских значков. А потом палатки качало от экзотических стонов девушек и тяжелого дыхания мальчиков, с усами и без.

Состав второй спаренной с нашей группы, был несколько попроще своим составом - в ней не присутствовало столько выдающихся общественников и отличников, как в нашей. Из них можно было лишь выделить лишь одного - Ленинского стипендиата Толю Омельченко, старосту курса. Ну, а все остальные в ней, не были обременены и не отягощены ни должностями, ни грузом учебы и желанием получить только пять - готовности умереть или расплакаться ради этой оценки, в их глазах не видел. Многие из них и тройку за отметку воспринимали, тем более на шестом курсе, стипендию за успеваемость не снимали. Честно говоря, в их кругу я не выглядел белой вороной и по духу, по взглядам, по разговорам, они мне были ближе.

Все правильные люди всегда появляются вовремя, поступая по правилу - "Точность, вежливость королей!". Доцент Волобуев не король, а настоящий, правильный человек. Ну, хоть убейся, а я их не люблю! И знаю почему - от них с первого слова так и льются наставления, нравоучения, указания и советы. Ну, хоть раз бы выругался, да позабористее, покруче, чтобы от него настоящим мужчиной запахло. Да, хотя бы так, как мой любимый хирург Олег Олегович, к которому я прицепился, как банный лист к заднице и хожу на все его дежурства по неотложной хирургии.

- Самаров, если ты еще раз мне! Кому?! - кандидату наук, подсунешь не описанную историю болезни, чтобы я записал протокол операции на чистой странице, я тебе яйца выдерну! Горшки будешь выносить после больных, а не на моих операциях стоять. А аппендицита с моих рук, тебе век не видать!

Что такое заполнять аккуратно истории болезни, все врачи знают и ненавидят это делать. Хвастаюсь - мои истории болезни, заполненные аккуратным почерком, пожалуй, можно было на выставку выставлять. Но и опять же!

- Самаров! (Ни разу не назвал меня Пашей, а все по фамилии). Я сам пьющий человек, но если ты еще раз придешь на мое дежурство и от тебя будет пахнуть пивом - выгоню прочь!

- Слушаюсь и повинуюсь! - отвечаю и сам удивляюсь тому, как он унюхал - ведь от него сегодня на версту несло перегаром!

Понял мою язвительную речь правильно, улыбнулся виновато, несколько смущенно и проговорил.

- Я в ординаторской прилягу на диванчик, а ты не выходи с приемного покоя. Если что - зови! Нет, постой! - остановил меня уже у порога двери. - Зови лучше Кириллова, а тот, если я понадобится, меня сам позовет. Да скажи ему, чтобы насчет аппендицитов, грыж и другой мелочи, для тебя не жадничал. Скажи, что я приказал!

Кириллов, всего старше меня на четыре года, проходил, клиническую ординатуру. Молодой, ретивый, честолюбивый и жадный до операций. Но, правда, я аппендициты, грыжи и другую мелочь вырывал у него с руками. Зато, ассистируя мне и держа крючки, по каждому поводу мне указывал, повышал голос. Но, в общем, прекрасный парень.

- Ты, вот что, Самаров! Я тут прилягу на кушеточке, - сказал мне, когда я появился в приемный покой и доложил ему приказание Олега Олеговича, сделав язвительный акцент на предмет того, чтобы он не жадничал. - А ты не выходи с приемного покоя и в случае чего - зови немедленно!

Олег Олегович храпит мощным храпом перепившего вчера человека в ординаторской на диванчике, Кириллов подхрапывает на кушетке в приемном покое, а я мечусь вокруг поступивших больных. Между двух огней нахожусь - рано позовешь Кириллова - плохо! Выйдет, зевнет, посмотрит живот больного, спросит равнодушно.

- А ты чего анализы не сделал? Где моча, кровь? Пер ректум смотрел?

"На" не посылает - возле культурного интеллигента где-то вертится - но посмотрит на меня снисходительным взглядом, равнодушно, опять зевнет и скажет.

- Сделай анализы, посмотри еще раз больного, собери лучше анамнез и опять меня позовешь!

Поздно позовешь - лучше, чтобы этого не было! Один раз переусердствовал - посчитал, что там ничего страшного и опасного нет, хотя в душе где-то сомневался! Что тут было! Неправильный человек - ни Олег Олегович, ни Кириллов. Сначала младший посылал меня туда, где Макар телят не пас, а потом уже и старший! Да в два голоса и почти всю операцию, тем более, она немного не пошла, как сказали они. Операция шла так, как не надо, а виноват я был во всем. Хотелось им сказать.

- Не спите на дежурстве!

Слава Богу, что воздержался, а то б, наверное, запах этого приемного покоя и забыл бы. Ничего, выдержу, я же сильный выносливый, как бык! Но, зато! Зато на их дежурствах, приходящим сюда поживиться субординаторам, таким же, как и я, делать нечего! Это место забил еще с начала августа, когда они еще животы грели на пляжах под горячим южным солнцем. Не говорю им тоном Олега Олеговича или Кириллова, наставительно, на правах старшего товарища.

- Я пойду прилягу на кушеточку, ну, а вы...!

Не могу так сказать, потому что с одной стороны не имею права, а с другой стороны - просто все кушетки в приемном покое заняты клинординаторами - и гинекологами, и урологами и другими, которым не досталось места на диванчиках в ординаторских. Но, ко вновь поступившему больному или больной, с какой бы он острой патологией не был - хоть гинекологической, хоть урологической, хоть хирургической, медсестры приемного покоя зовут меня и только меня! Да, я и сам, как Цербер стою настороже и только приехала "Скорая помощь", уже возле носилок и почти сам заносу прибывшего пациента. Мне все равно, а иногда даже интереснее, если он допустим не с хирургической патологией, а с другой - урологической, гинекологической.

С жадностью осматриваю пациента, делаю анализы, заполняю историю болезни и лишь после этого бужу соответствующего направления клинординатора.

Больной подан, идите посмотрите!

Если не выругали меня, то у меня нос задирается кверху и чувствую себя настоящим врачом. И хрен с ним, что за ночь не посплю и десяти минут и даже не из-за того, что негде - я могу спать со своим железным здоровьем и на улице. А потому что, чаще всего бывает так - Кириллов и его друг, тоже клинординатор, подсовывают мне стопку историй болезни и говорят просительно.

- Пашенька! Тут вот немного историй болезни выписавшихся или выписываемых больных! (Ничего себе стопочка - штук пятьдесят!). Ты эпикризы грамотно напиши, просмотри, где дневнички надо дописать. Ну, сам знаешь! Тут немного работы!

Вот гады! И, как зовут вспомнили, называют по имени, да еще и ласково, а так всегда "Самаров, Самаров!".

- И спи отдыхай! - язвлю в ответ, прекрасно зная, сколько здесь писанины.

- С меня пиво! - бросают мне в утешение и идут укладываться на кушеточку.

Доцент Волобуев читает рассказ из журнала "Юность", в котором говорится о негодяе друге, которого у себя приютил женатый товарищ - поил кормил, сигареты покупал, а тот взял и переспал с его женой, отбил ее у него вместе с однокомнатной квартирой. Тот с горя вызвал его на дуэль и кто-то из них ранил кого-то.

- Я хотел бы, чтобы вы высказали свое отношение к нашим героям, свое мнение, как бы вы поступили на их месте, - подвел итог Волобуев и выжидающе посмотрел на нас всех.

Не ожидал - мне очень интересно! Хочу услышать, что скажет моя красавица и Саша - их мнения меня очень интересуют. А его, мне тоже хочется вызвать на дуэль. Нет, не на дуэль с ружьями, пистолетами, а на поединок на ринге - ведь он же боксер, мастер спорта (карманный, как я называю таких - для галочки, которые ставят тренера после фамилии их в списке). Я с большим смаком эту картину, как ожесточенно молочу его кулаками и гоняю по рингу, из угла в угол и не слушаю, как высказывает свое возмущение другом-негодяем первый выступающий.

- Это не друг - это подлец настоящий! Я бы на месте его товарища, не ранил бы его, а убил!

Он его убивает, а я в это время мысленно, нокаутирую Сашу своим излюбленным хуком снизу вверх. Эх, если бы он знал, как я его готовил для кубинца чемпиона мира и, как обидно, что не пришлось им воспользоваться. Я, ведь, фотографию этого кубинца, вырезанную из журнала, мало того, что наклеил во всех местах, где присутствовал, но и всегда носил с собой, вме-

сто фотографии любимой девушки, которой у меня не было. Возлюбленной пассии не было, зато у меня был он, которого мечтал сразить своим хуком. Только из-за него, из-за того, что хотел встретиться с ним на ринге, тренировался, как сумасшедший и не упал от удара кулака в нос поляка.

Опомнился и даже, стыдновато стало! Нашел, кого награждать своим хуком - Сашу! Тот дважды чемпион мира, а он?!

- Опустился, Пашенька! - упрекнул себя мысленно и ловлю себя на вопросе. - Из-за чего! Неужели из-за нее хочу вызвать его на дуэль!

Рассказ подействовал или просто настроение такое, но сейчас, в этот час и в этот день, признаюсь себе (правда, только себе), что если можно назвать это чувство, которое у меня возникло в душе к ней - любовью, то, значит, тогда я влюбился. Никому не говорю этого, не вскакиваю с места в экстазе и даже, еще до конца не верю, что это любовь, а не простая влюбленность к красивой девушке. Сомнения, но чего-то, видно от нечего делать, сегодняшнюю дату - 21 октября 1978 года, красивым, крупным шрифтом написал на последней странице своей общей тетради. Так, на всякий случай - вдруг это настоящая любовь и я буду страдать - так хоть этот день запомню на всю жизнь?! Сам рассмеялся от этого предположения.

Саша высказался решительно и прямолинейно, как и положено сильному человеку и добавляю, как комсомольскому вожаку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.